

В.Г. Вовина-Лебедева

С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров: к вопросу о школах в исследованиях Древней Руси

Эта статья написана для исправления одной ошибки, допущенной мной в последней книге. Речь идет о том разделе, где я анализировала взгляды на русское летописание М.Н. Тихомирова и пыталась нащупать преемственность с его учителем С.В. Бахрушиным¹.

Моя первая научная статья была посвящена Новому летописцу и сибирскому летописанию². Тогда уже была очевидна роль С.В. Бахрушина в исследовании сибирских летописей. Прежде всего, не устарела главная идея Бахрушина о первоначальном общем источнике всех известных нам летописных текстов. С.В. Бахрушин предположил, что им могло быть некое «Написание», составленное еще казаками Ермака, в котором они свидетельствовали о том, как пришли с атаманами в Сибирь и какие у них были бои с татарами. Бахрушин предположил также, что «Написание» было составлено по запросу первопрестольного архиепископа Тобольского Киприана. Его положили в основу Синодика казакам. Сравнительный анализ Есиповской и Строгановской летописей, предпринятый Бахрушиным, привел к выводу, что эти летописи восходят к общей основе, и эта основа, предположительно, — именно казачье «Написание». Данные положения стали классическими для истории летописания Сибири, от них отталкивались все последующие исследователи темы. Из идеи о единой основе всех сибирских летописей родилась мысль о сходности зарождения летописания в древности

¹ *Вовина-Лебедева В.Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 824–864.

² *Вовина В.Г.* К вопросу о сибирских статьях Нового летописца // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987.

(от такого же единого начала, неважно, как его называть — Начальным сводом или «Повестью временных лет» (далее — ПВЛ)) и в Сибири в начале XVII в. Действительно, получалось, что провинциальное летописание в условиях, когда нужно было начинать летописную традицию с чистого листа, повторило тот же путь, что и киевское летописание древности: сначала была создана некая основа, на которой потом «нарастали» различные напластования.

Вероятно, под влиянием этих еще старых своих впечатлений я написала в книге о школах в исследовании летописания, что одной из главных тем С.В. Бахрушина было сибирское летописание, хотя ранними летописями он не занимался³. Это, разумеется, была ошибка, и в устном разговоре с А.М. Дубровским мне было сделано справедливое замечание. А.М. Дубровский напомнил мне, что сохранилась неопубликованная при жизни автора рукопись С.В. Бахрушина, как раз посвященная раннему летописанию. Она была издана в 1987 г. в сборнике трудов Бахрушина⁴. С.В. Бахрушин вел семинарий по начальному летописанию в Московском университете, и в 1922 г. сделал доклад в Обществе истории и древностей российских под названием «К вопросу о достоверности Несторовой летописи». А.М. Дубровский в статье, которая сопровождает подготовленную им публикацию, привел отзывы об этом выступлении М.М. Богословского (оценившего доклад чрезмерно критично), А.Н. Филиппова (посчитавшего, что у С.В. Бахрушина был не исторический, а литературный подход, т.е. проявился главный недостаток метода Шахматова), и М.К. Любавского (который сказал, что если следовать С.В. Бахрушину, должны произойти «громадные опустошения в начальных временах нашей истории»)⁵.

Текст, сохранившийся в фонде С.В. Бахрушина в Архиве РАН и опубликованный А.М. Дубровским, датируется им временем после 1926 г. на том основании, что там есть ссылки на издание Лаврентьевской летописи 1926 г.⁶ Можно осторожно предположить, что это — набросок статьи по докладу 1922 г. Трудно судить о том, почему текст так и не был опубликован автором. Возможно, именно негативная реакция коллег была тому причиной.

Рассмотрим главные идеи статьи. По мнению С.В. Бахрушина, мы должны выудить из паутины всегда остроумных гипотез А.А. Шахматова выводы, которые «могут быть признаны бесспорными». Это в своем роде замечательная

³ Отметим следующие работы: *Бахрушин С.В.* 1) Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия. № 3–4. М., 1916. С. 3–28; 2) Основные течения сибирской историографии // Северная Азия. 1925. Кн. 1–2. С. 104–113; 3) Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927; 4) Легенда о Василии Мангазейском // Известия АН СССР. Отдел гуманитарных наук. № 6. Л., 1929. С. 479–509.

⁴ *Бахрушин С.В.* [К вопросу о достоверности Начального свода] // С.В. Бахрушин. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 15–35.

⁵ *Дубровский А.М.* Предисловие // С.В. Бахрушин. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 8, прим. 9.

⁶ Там же. С. 7.

мысль. Дело в том, что возражения всех историков (как современников, так и первого поколения посмертных критиков) против шахматовских построений заключались в том, что его выводами нельзя или трудно пользоваться. Этими замечаниями они показывали, что для них летопись — исторический источник в смысле источника фактов. Для А.А. Шахматова дело обстояло иначе, он не рассматривал летопись как место, откуда можно черпать «факты». И он не стремился к «беспорности» выводов, в каком-то смысле даже уходил от этого⁷.

Из всех шахматовских построений о древнейших летописных сводах, по мнению С.В. Бахрушина, достоверна лишь гипотеза о своде 60–70-х гг. XI в. Что касается более ранних известий, то некоторые из них достоверны, так как подтверждаются западноевропейскими, византийскими и арабскими источниками. Но это главным образом также известия XI в. С более древними всё обстоит сложнее: «проверку выдерживает», по словам С.В. Бахрушина, лишь дата крещения Руси (хотя и с вариантами).

Из этого он делал вывод о том, что до князя Ярослава Мудрого «летописных записей не существовало». Речь шла, конечно, о связанных записях, о постоянной летописи. Откуда же взял летописец всё остальное? задавался вопросом С.В. Бахрушин. Отвечая на это, он приводил примеры разного рода «анекдотов позднейшего времени» (любимое выражение, которое фигурировало у Бахрушина и в других ранних статьях) типа «анекдота о сапогах». Под «анекдотами» он понимал записи устного происхождения. Но Бахрушин допускал и даже утверждал наличие также ранних письменных записей об отдельных княжениях, о митрополитах и епископах. Типичная черта этих записей — отсутствие в них точных годов. Так, в новгородской летописи читается список новгородских князей, в начальной части которого есть такие сведения о некоторых из них, которые отсутствуют в основном тексте летописи, включая имена, по другим текстам неизвестные. По Бахрушину, это мог быть отрывок кратких, лишенных дат ранних записей. Так же оценивал он и список новгородских епископов. По С.В. Бахрушину, мы таким образом выделяем иную линию летописания, другую летописную традицию, отличную от той, что была положена в основу Начального свода и ПВЛ. А.А. Шахматов также знал эти списки князей и епископов в новгородских летописях, но полагал, что перед нами записи позднейшего характера. Ни А.А. Шахматов, ни его ученики никогда не допускали мысли, что древнейшее летописание было представлено разными генеалогическими древами. Исследуемая статья С.В. Бахрушина показывает, что он был первым, кто высказал эту мысль. Из позднейших исследователей наиболее последовательно ее развивал А.Г. Кузмин, ученик ученика Бахрушина М.Н. Тихомирова (научный «внук» Бахрушина).

Что касается вопроса, когда, по мнению С.В. Бахрушина, возникла эта альтернативная линия летописания, то, как видно из содержания статьи, он полагал, что это произошло после крещения Руси. Именно крещение, по С.В. Бахрушину

⁷ См. подробнее: *Вовина-Лебедева В.Г.* Школы... С. 184–209.

ну, — поворотный момент. С.В. Бахрушин выделял в ПВЛ Повесть о крещении Руси, и напоминал, что ее наличие как отдельного произведения признавали А.И. Соболевский, М.И. Сухомлинов и даже А.А. Шахматов (последнее, конечно, является некоторой натяжкой). Анализ этой Повести о крещении Руси дает, как считал С.В. Бахрушин, основания для вывода, что она представляла собой переплетение многих летописных нитей, и что при жизни Владимира рассказ о крещении не был записан и восстанавливался «литературным путем» значительно позднее, когда детали уже стерлись в памяти. С.В. Бахрушин называл этот первоначальный рассказ также Повестью о первых русских князьях. В ней не было хронологии, рассказывалось о Кие, Щеке, Хориве, призвании варягов, князе Олеге и завоевании Киева, борьбе с древлянами. Написана она была, как считал историк, в первой половине XI в., при жизни Ярослава Мудрого.

Что касается источников этой Повести, С.В. Бахрушин полагал, что это были договоры с греками и другие византийские источники, а также какое-то составленное на Руси географическое сочинение о происхождении народов. Замечательно, что, по предположению Бахрушина, для восстановления первоначального вида Повести нужно внести в ПВЛ некоторые коррективы, исходя из текста Никоновской летописи. Таким образом, он признавал, что поздние летописи можно использовать для реконструкции раннего летописания.

С.В. Бахрушин также поставил вопрос о том, насколько эта его Повесть о первых русских князьях верно изобразила события до 945 г., и сделал вывод, что это — довольно ненадежная основа для рассказа о древнейших событиях. Не рассматривая этот вопрос подробно, переходим к выявлению тех взглядов С.В. Бахрушина на начало летописания, которые развивал потом его ученик М.Н. Тихомиров. Оговариваю, что я не анализирую обе эти концепции полностью. Мне важно понять, как в данном случае осуществлялось (и имело ли место) влияние школы учителя на творчество ученика.

И тут не обойтись без одного замечания относительно А.А. Шахматова. Отношение С.В. Бахрушина к творчеству А.А. Шахматова видно из замечаний первого на защите кандидатской диссертации А.Н. Насонова в 1941 г. и особенно при обсуждении докторской диссертации Насонова в 1944 г.⁸ С.В. Бахрушин советовал диссертанту не увлекаться выявлением сводов-реконструкций и производством «небесспорных» гипотез, которые затруднительно использовать для исторического исследования, отмечая, впрочем, что это порок всего шахматовского направления. Как видим, в этом выступлении проявлено то же отношение к Шахматову, что и в неопубликованной статье.

Стенограмма докторской защиты А.Н. Насонова, о которой шла речь выше, сохранилась в фонде Института истории⁹. Я подробно разбираю ее в своей книге,

⁸ *Вовина-Лебедева В.Г.* Школы... С. 680–737.

⁹ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 1, № 98. Стенограмма заседания ученого совета института 4 декабря 1944 г. Защита диссертации А.Н. Насонова на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Очерки по истории древнерусского летописания».

поэтому не буду останавливаться на деталях. С.В. Бахрушин охарактеризовал метод Шахматова как «крупнейшее достижение в области источниковедения», но назвал его «трудным и сложным», и ставил в заслугу А.Н. Насонову то, что он им «овладел». Бахрушин заметил также, что «в работе, проводимой по методу Шахматова, едва ли мы можем рассчитывать когда-либо получить вполне бесспорные выводы», и что «это нужно сказать относительно блестящих исследований самого Шахматова».

Тут видно глубокое противоречие между шахматовским представлением о летописи и представлением С.В. Бахрушина. Не случайно последний употребил понятие «источниковедение». Бахрушин видел в летописи прежде всего источник информации об исторических явлениях. Реальный летописный текст мог быть таким источником. Но реконструкция не вызывала такого же доверия, так как это была гипотеза и вывод не «бесспорный». Гипотезы в дальнейшем, по выражению С.В. Бахрушина, «могут быть приняты, а могут быть и не приняты» (почти дословно повторяется текст статьи 1920-х гг.). Значит, гипотетический свод затруднительно просто использовать как «источник». В результате Бахрушин пожелал Насонову, чтобы тот «не слишком легко шел по линии предположения наличия каких-либо сводов, которых фактически не существует». Бахрушин отметил, что «это у Шахматова несколько слабая сторона его исследования», поэтому «ставить ее в упрек диссертанту» он не хочет, т.е. пороки работы по сути замечаний Бахрушина — это пороки шахматовского метода, шахматовской школы. А.Н. Насонов в итоге выработал «определенную конструкцию, определенную классификацию», «объединил, систематизировал этот материал» и создал общую картину тверского и псковского летописания. В дальнейшем эта картина может потребовать исправления, но «путь проложен» — и в этом Бахрушин видел главную и очень большую заслугу Насонова¹⁰.

М.Н. Тихомиров уже в этом смысле следовал своему учителю, и, будучи также оппонентом А.Н. Насонова, высказывал сходные мысли, советуя придерживаться анализа реальных текстов. Эта фраза повторялась Тихомировым неоднократно.

Научная биография М.Н. Тихомирова изучена его ученицей Е.В. Чистяковой¹¹, а также другими его учениками¹². Е.В. Чистякова широко использовала «Воспоминания» М.Н. Тихомирова, написанные им на склоне лет и хранящиеся в трех редакциях в его фонде в Архиве РАН. Она отмечала особенное влияние на Тихомирова в университетские годы С.В. Бахрушина, которого сам он называл «определяющим учителем».

¹⁰ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 1, № 98. Л. 13–15.

¹¹ Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров. М., 1987.

¹² Буганов В.И. Источниковедение в трудах академика М.Н. Тихомирова (к 70-летию) // Проблемы источниковедения. Вып. 11. М. 1963; Шмидт С.О. Памяти учителя (Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова) // АЕ за 1965. М., 1966. С. 7–30.

М.Н. Тихомиров обращал внимание на то, что, начиная с А.А. Шахматова, существовали две тенденции доказательств «этих спорных летописей». Одна была доказательством «филологическим материалом, сравнением редакций между собой», и она «дала такие шедевры исторической науки, как представление о различных редакциях “Повести временных лет”». Но у Шахматова, по Тихомирову, «была и другая струя», которая была уже отмечена С.В. Бахрушиным. Это его «необычайная гипотетичность», в которой он «отходит от наличного летописного материала» и не строит свои выводы на материале «сличения списков». В этой части шахматовского творчества М.Н. Тихомиров находил «сомнительные вещи... как например, открытие им того, что Новгородский свод сохранил более древние черты, чем “Повесть временных лет”»¹³.

М.Д. Приселков (в связи с другими обстоятельствами) в 1930-х гг. обвинил М.Н. Тихомирова в нежелании видеть значение трудов Шахматова. Сам М.Н. Тихомиров всегда подчеркивал уважение к работам А.А. Шахматова как к выдающемуся вкладу в науку. На это же всегда обращали внимание и его ученики, например С.О. Шмидт. Но, повторимся, метод Шахматова, по Тихомирову, был хорош, а результаты его применения самим Шахматовым не всегда радовали. Поэтому М.Н. Тихомиров был готов взять у А.А. Шахматова сравнительный метод, но не брать всего остального.

Источники, по мнению М.Н. Тихомирова, должны быть уже исследованы филологами, т.е. препарированы ими, подготовлены для историков. Только в этом случае историки могут их использовать. Таким образом, задача филологов — готовить источники для историков. Это была точка зрения не одного Тихомирова. Он пояснил, что «в его студенческие годы, когда труды Шахматова по изучению Повести временных лет были еще относительной новинкой», ему «приходилось слышать отзывы о статьях и книгах Шахматова как о работах крайне гипотетического характера, причем эти отзывы исходили от крупных специалистов-историков». Возможно, под этими историками Тихомиров подразумевал своих учителей, например С.В. Бахрушина, поскольку мы видели именно такое отношение С.В. Бахрушина к работам А.А. Шахматова, проявившееся на защите диссертации А.Н. Насонова.

По мнению М.Н. Тихомирова, «“гипнотизм” теорий Шахматова испытывали многие историки, в частности и сам А.Н. Насонов, что особенно ярко сказалось в его недавнем труде — “Русская земля”, где сочинения А.А. Шахматова цитируются непрерывно, иногда в виде непреложной истины». В отзыве 1944 г. о докторской диссертации А.Н. Насонова «Очерки по истории древнерусского летописания» М.Н. Тихомиров отметил: «Мне кажется, что эти построения о многочисленных погибших сводах являются не только гипотетическими, но и мало нужными для историка. Там, где автор придерживается анализа реальных сводов, дошедших до нас, только там он и дает должный и вполне обоснованный научный материал»¹⁴.

¹³ Вовина-Лебедева В.Г. Школы... С. 705.

¹⁴ Тихомиров М.Н. Русское летописание... С. 332–334.

М. Н. Тихомирову, несомненно, были известны идеи С. В. Бахрушина по поводу ранней летописной Повести. Статья С. В. Бахрушина о начале летописания не была опубликована, но в других статьях 1930-х гг. (например в статье о крещении Руси и об «Империи Рюриковичей»)¹⁵ Бахрушин частично использовал ее материал, в частности он уже прямо писал, что связного летописания до второй половины XI в. не существовало.

Когда М. Н. Тихомиров писал учебные пособия и общие разделы в выходивших в 1940–1960-х гг. обзорных трудах¹⁶, он развивал мысли учителя, прямо подвергнув критике древнейшие своды Шахматова: «Если существовал новгородский свод 1050 г., то он должен был включить в свой рассказ все новгородские известия XI в.». Между тем ПВЛ включает в свой состав «лишь ничтожное количество их». Против существования Древнейшего свода были приведены другие доводы: в нем должно было бы быть описано подробно княжение Ярослава, но мы видим обратное, оно описано менее подробно, чем княжение Ярополка, Олега и Владимира, «между тем мы должны были бы ждать, что летописец наиболее подробно опишет события своего времени». Как видно, в данном случае не только сама идея, но и аргументы М. Н. Тихомирова сходны с бахрушинскими.

После войны в «Очерках истории исторической науки в СССР»¹⁷ в обзоре историографии летописания М. Н. Тихомиров особенно стал выделять как своего предшественника И. И. Срезневского («Древние памятники русского письма и языка»). Он писал, что именно И. И. Срезневский первым показал, что некие записи о начале Руси конца X или начала XI в. были наиболее ранними историческими произведениями, затем они оказались включены в летописи (записи в виде связного рассказа без разделения на годы, широко использовались устные народные предания о борьбе славян с аварами, об основании Киева, походах Олега, Игоря, Святослава и т.п.) и что некоторые из сказаний могли быть «современными», т.е. относиться к более древнему времени, чем составление ПВЛ. В самом труде И. И. Срезневского этот тезис не являлся центральным, но М. Н. Тихомиров выхватил его из контекста рассуждений Срезневского и придал ему особенное значение.

В своих послевоенных работах М. Н. Тихомиров подчеркивал, что это летописное ядро было одновременно каким-то «первоначальным произведением русской историографии», которое отличалось еще «близостью к народному

¹⁵ *Бахрушин С. В.* 1) К вопросу о крещении Киевской Руси // Историк-марксист. М., 1937. Кн. 2. С. 40–77; 2) Держава Рюриковичей // Вестник древней истории. М., 1938. № 2 (3). С. 88–98.

¹⁶ *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. М., 1940.

¹⁷ *Тихомиров М. Н.* Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и Российском централизованном государстве (IX–XVII вв.) // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955 / Под ред. М. Н. Тихомирова (гл. ред.), М. А. Алпатовой, А. Л. Сидорова.

творчеству, широко использованному ее составителями». И.И. Срезневского же он определял как ученого, «наметившего путь, по которому должно было пойти дальнейшее изучение ранних летописных известий». Но этот ученый не имел продолжателей, в частности потому, что «грандиозная схема русского летописания, предложенная Шахматовым, заслонила выводы всех его предшественников». Причем Тихомиров особенно подчеркивал народную сущность выделяемого им как бы вслед за И.И. Срезневским первоначального текста. В этом смысле он сознательно противостоял Д.С. Лихачеву, который считал первоначальным «Сказание о распространении христианства». Тихомиров же выступал против тезиса о составлении летописи исключительно в церковных кругах, связывая, кстати, последнее понимание с Шахматовым: «И хотя схема А.А. Шахматова была подвергнута критике в трудах ряда авторов, представление о господстве церковных авторов в ранней русской историографии осталось нетронутым»¹⁸.

Идея выделения некоей первоначальной летописной повести не противоречила стремлению М.Н. Тихомирова использовать в своих построениях тексты сохранившиеся, а не их реконструкции, как это делал А.А. Шахматов, гипотетичность построений которого он критиковал. Свое «первоначальное произведение русской историографии» Тихомиров не складывал, подобно Шахматову, из различных колеблющихся отражений, как в призрачной мозаике. Тихомиров просто искал во всех сохранившихся списках летописей следы этого раннего источника. Постепенно важную роль стали играть у него поздние летописные тексты (тут мы вспоминаем обращение его учителя С.В. Бахрушина к тексту Никоновской летописи).

С поисками отличной от шахматовской ранней основы летописания связано и иное, чем у А.А. Шахматова, понимание М.Н. Тихомировым «летописного свода»: «При составлении новых летописей использовались более ранние летописные записи. Поэтому обширные летописи, как правило, представляют соединение многих источников в единое целое, т.е. являются летописными сводами». Это представление о своде отличается не только от Шахматова, но и от П.М. Строева. По Строеву, первоначальные летописи были переработаны (искажены и даже загублены) «невежественными составителями» сводов. А.А. Шахматов отчасти исходил из того же положения. Поэтому Шахматову и нужна была реконструкция. Но М.Н. Тихомирову свод представлялся более простым соединением старого и нового, когда старое в цельном виде вставлено в это новое, а значит — его можно так же просто выделить. Хотя на словах он отмечал, что «совершенно неправильно представлять себе», что его первоначальная повесть «является механическим соединением разнообразных источников», но на деле у него получалось нечто такое, что гораздо ближе именно к такому механическому соединению, чем построения Шахматова.

¹⁸ Там же. С. 57.

Статья М.Н. Тихомирова «Начало русской историографии» была опубликована в журнале «Вопросы истории» в 1960 г.¹⁹ Оригинал статьи не сохранился, и она была переиздана по этой журнальной публикации²⁰. Сохранился также текст выступления М.Н. Тихомирова с одноименным сообщением на XI Международном конгрессе исторических наук в Швеции 21 марта 1960 г.²¹ Основная мысль и статьи, и выступления вполне в духе С.В. Бахрушина: летописным сводам предшествовали записи об исторических событиях и отдельные сказания²². Фрагменты этих первоначальных сказаний сохранили поздние летописи. В частности, протограф той летописи, которую использовала Устюжская летопись, по Тихомирову, отразил Киевский летописный свод 1060-х гг. Позднее М.Н. Тихомиров стал писать уже о том, что в Устюжской летописи просто отразился более древний текст — «Сказание о русских князьях», написанное еще в X в. Таким образом, даже название своей «первоначальной повести» М.Н. Тихомиров дал почти такое же, как и Бахрушин, и содержание ее понималось им также по-бахрушински. Как и Бахрушин, Тихомиров полагал, что это было «повествование без разделения на годы». Только датировка была несколько иная: по Бахрушину, она датировалась не ранее начала XI в.

Вопрос об источниках для реконструкции этого «Сказания» (т.е. своей «первоначальной повести») М.Н. Тихомиров также проработал значительно детальнее, чем С.В. Бахрушин. Он увидел отражение этого древнейшего текста (более древнего, чем текст ПВЛ и текст Новгородской 1-й летописи) не только в Устюжской (или Архангелогородской) летописи. Так, кстати, считала и К.Н. Сербина — издательница этой летописи, но она полагала, что текст первой части Устюжской летописи просто отразил Начальный свод. М.Н. Тихомиров поддержал также и Е.Ю. Перфецкого в том, что можно вычленил раннюю летописную традицию, которая нашла свое отражение в летописце, известном в XV в. польскому анналисту Длугошу.

Главный источник для исследования взглядов на летописи позднего Тихомирова — материалы к последней, оставшейся незаконченной книге, которую сам автор думал назвать (в соответствии с высказанной уже в «Очерках истории исторической науки» идеей) следующим образом: «Начало русской историографии». Мысль о ценности поздних текстов для восстановления начала летописания становилась в этот период для него определяющей. В фонде Тихомирова в Архиве РАН сохранились наброски первой редакции, двух вариантов второй редакции и третья редакция текста книги²³. Наброски первой

¹⁹ Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. № 5. С. 41–56.

²⁰ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 46–66.

²¹ Архив РАН. Ф. 693. Оп. 1. № 90. Другой вариант текста этого доклада хранится в архиве РАН: Ф. 457. Оп. 1. № 258. См.: Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР / Сост. И.П. Староверова. М., 1974. С. 21 (№ 117, 118).

²² Архив РАН. Ф. 693. Оп. 1. № 90. Л. 1.

²³ Там же. № 97–100; Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве

редакции и черновик второй датируются 1963–1964 гг., черновик третьей редакции — 1964 г., а третья редакция — 1965 г. — т.е. всё относится фактически к последнему году жизни М.Н. Тихомирова.

В черновом варианте второй редакции, сохранившемся во фрагментах, сказано: «Трудно согласиться с А.А. Шахматовым и его последователями, которые всю нашу древнейшую историографию объясняют сменой различных летописных сводов». В результате «создается как бы летописное генеалогическое древо». Тихомиров тонко подметил ту особенность школы Шахматова, которая не была ранее в центре обсуждения у тех, кто о ней писал. Речь шла о понимании Шахматовым летописания как единой системы, все звенья которой связаны друг с другом. «...Летописные генеалогические деревья по этой причине оказываются столь же путанными, как и многие родословные таблицы знатных родов, ищущих себе предков, вышедших “из немец”»²⁴. В этом месте можно увидеть не только сходство идей М.Н. Тихомирова с бахрушинскими, но и логику рассуждения, сходную с бахрушинской. С.В. Бахрушин в указанной выше статье писал о том, что изначально было много княжеских родов (ссылаясь на известное место в договорах с греками), но они были истреблены, остался только род Рюрика. И поэтому сохранившиеся летописи производят впечатление, что род изначально был единственным, если бы не сохранились остатки старой картины (упоминание князей Рогволода, Мала и др.).

Что касается Никоновской летописи, то М.Н. Тихомиров в конце жизни пришел к выводу, что «Никоновская летопись не имеет значения для истории древнейших русских летописей». Вопреки мнению Бахрушина, он не находил теперь в ней следов искомой изначально повести. Зато он много размышлял о возможности использования «Памяти и похвалы» мниха Иакова²⁵. Другие важнейшие источники оставались прежними: Устюжская летопись и Длугош (вслед за Перфецким).

Наиболее интересна третья редакция неопубликованной книги М.Н. Тихомирова, поскольку она отражает более или менее завершённый этап его работ²⁶. Прибавились источники, пригодные, по его мнению, для реконструкции альтернативной линии летописания, в их числе теперь оказались псковские летописи (Псковская 1-я летопись). Главная идея также претерпела некоторое изменение. Теперь время написания «Сказания о первых русских князьях» определялось Тихомировым так же, как это делал С.В. Бахрушин — самым началом XI в. Это и было «начало русской историографии». «Сказание», по мнению Тихомирова, отличалось высокой достоверностью (также слово из арсенала Бахрушина), в нем были использованы рассказы очевидцев, «которые еще жили в ту эпоху».

Академии наук СССР / Сост. И.П. Староверова. М., 1974. С. 22 (№ 128, 129, 130, 131).

²⁴ Архив РАН. Ф. 693. Оп. 1. № 98. Л. 7.

²⁵ Там же. Л. 66–67.

²⁶ Там же. № 100.

Итак, мы видим, что М.Н. Тихомиров в отношении истории раннего летописания развивал критику своего учителя С.В. Бахрушина в адрес А.А. Шахматова. Логика учителя и ученика с самого начала имела много общего. Тем не менее, первоначально Тихомиров был движим исключительно желанием кое-где подправить Шахматова, приспособить его к восприятию историков. Но в конце жизни он стал углубленно разрабатывать идею Бахрушина о другом (в сравнении с шахматовскими построениями) начале летописания. И именно это привело М.Н. Тихомирова к глобальной идее «освобождения от Шахматова» (поскольку он сам писал о «гипнотизме» теории Шахматова). Для истории идей важно было проследить эту связь учителя и ученика.

Остается без ответа естественным образом возникающий вопрос о том, почему М.Н. Тихомиров при столь явном сходстве своих выводов с выводами С.В. Бахрушина не ссылаясь на его мнение по поводу раннего летописания. Мы даже не можем с уверенностью сказать, знал ли Тихомиров ту раннюю статью, о которой говорится в начале нашей работы. С одной стороны, как ученик Бахрушина Тихомиров, несомненно, мог знать мнение своего учителя о начале летописания, даже не ведая о существовании его неопубликованной статьи, о которой идет речь. Возможно, некоторые вопросы просто обсуждались ими, и к ряду выводов они когда-то пришли совместно. Но вполне понятно, что М.Н. Тихомиров мог и должен был иметь доступ к архиву учителя после его смерти. И именно в этот период Тихомиров начал работу над последней монографией. Пожалуй, более определенно тут сказать уже ничего нельзя.

References

- Bahrušin S.V.* Deržava Rûrikovičej // Vestnik drevnej istorii. M., 1938. № 2 (3). S. 88–98.
Bahrušin S.V. K voprosu o krešenii Kievskoj Rusi // Istorik-marksist. M., 1937. Kn. 2. S. 40–77.
Bahrušin S.V. Osnovnye tečenie sibirskoj istoriografii // Severnaâ Aziâ. 1925. Kn. 1–2. S. 104–113.
Bahrušin S.V. [K voprosu o dostovernosti Načal'nogo svoda] // S.V. Bahrušin. Trudy po istočnikovedeniû, istoriografii i istorii Rossii èpohi feodalizma. M., 1987. S. 15–35.
Bahrušin S.V. Očerki po istorii kolonizacii Sibiri v XVI i XVII vv. M., 1927.
Bahrušin S.V. Legenda o Vasilii Mangazejskom // Izvestiâ AN SSSR. Otdel gumanitarnyh nauk. № 6. L., 1929. S. 479–509.
Bahrušin S.V. Tuzemnye legendy v «Sibirskoj istorii» S. Remezova // Istoričeskie izvestiâ. № 3–4. M., 1916. S. 3–28.
Buganov V.I. Istočnikovedenie v trudah akademika M.N. Tihomirova (k 70-letiiû) // Problemy istočnikovedeniâ. Vyp. 11. M., 1963.
Čistâkova E.V. Mihail Nikolaevič Tihomirov. M., 1987.
Dubrovskij A.M. Predislovie // S.V. Bahrušin. Trudy po istočnikovedeniû, istoriografii i istorii Rossii èpohi feodalizma. M., 1987. S. 3–14.
Rukopisnoe nasledie akademika M.N. Tihomirova v Arhive Akademii nauk SSSR / Sost. I.P. Staroverova. M., 1974.
Šmidt S.O. Pamâti učitelâ (Materialy k naučnoj biografii M.N. Tihomirova) // AE za 1965. M., 1966. S. 7–30.
Tihomirov M.N. Russkoe letopisanie. M., 1979.
Tihomirov M.N. Načalo Russkoj istoriografii // Voprosy istorii. 1960. № 5. S. 41–56.
Tihomirov M.N. Razvitie istoričeskikh znanij v Kievskoj Rusi, feodal'no-razdroblennoj Rusi i Rossijskom centralizovannom gosudarstve (IX–XVII vv.) // Očerki istorii istoričeskoj nauki v SSSR. T. 1. / Pod red. M.N. Tihomirova (gl. red.), M.A. Alpatova, A.L. Sidorova. M., 1955.

Vovina-Lebedeva V. G. К вопросу о сибирских стат'ях Нового летописца // *Literatura i klassovaâ bor'ba èpohi pozdnego feodalizma y Rossii.* Novosibirsk, 1987.

Vovina-Lebedeva V.G. Školy issledovaniâ russkih letopisej: XIX–XX vv. SPb., 2011. S. 824–864.

Список литературы

Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // *Исторические известия.* № 3–4. М., 1916. С. 3–28.

Бахрушин С.В. Основные течение сибирской историографии // *Северная Азия.* 1925. Кн. 1–2. С. 104–113.

Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927.

Бахрушин С.В. Легенда о Василии Мангазейском // *Известия АН СССР. Отдел гуманитарных наук.* № 6. Л., 1929. С. 479–509.

Бахрушин С.В. К вопросу о крещении Киевской Руси // *Историк-марксист.* М., 1937. Кн. 2. С. 40–77.

Бахрушин С.В. Держава Рюриковичей // *Вестник древней истории.* М., 1938. № 2 (3). С. 88–98.

Бахрушин С.В. [К вопросу о достоверности Начального свода] // С.В. Бахрушин. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 15–35.

Буганов В.И. Источниковедение в трудах академика М.Н. Тихомирова (к 70-летию) // *Проблемы источниковедения.* Вып. 11. М., 1963.

Вовина-Лебедева В. Г. К вопросу о сибирских статьях Нового летописца // *Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России.* Новосибирск, 1987.

Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 824–864.

Дубровский А.М. Предисловие // С.В. Бахрушин. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 3–14.

Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР / Сост. И.П. Староверова. М., 1974.

Тихомиров М.Н. Начало историографии // *Вопросы истории.* 1960. № 5. С. 41–56.

Тихомиров М.Н. Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и Российском централизованном государстве (IX–XVII вв.) // *Очерки истории исторической науки в СССР.* Т. 1. / Под ред. М.Н. Тихомирова (гл. ред.), М.А. Алпатов, А.Л. Сидорова. М., 1955.

Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.

Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров. М., 1987.

Шмидт С.О. Памяти учителя (Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова) // *АЕ* за 1965. М., 1966. С. 7–30.